
ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

В.С. ТОРМОШЕВА*

МЕЖДУНАРОДНАЯ АУДИТОРИЯ В СЕТЕВОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОНЛАЙН-МАССА ИЛИ ГЛОБАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКТОР?

Аннотация. Цель статьи – изучить политическую акторность международной интернет-аудитории, описав феномен политического в социальных сетях, характер связей внутри международного интернет-сообщества, идентичность интернет-аудитории, а также глобальные эффекты онлайн-активности международной аудитории. Основой исследования послужила авторская интерпретация положений акторно-сетевой теории Б. Латура, теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, а также теории политического конструирования реальности Н.Г. Щербининой. Сравнение понятия «международная аудитория» с близкими по смыслу понятиями массовой аудитории и языкового сообщества показало, что понятие «международная аудитория» уже феномена массовой аудитории, но гораздо шире языкового сообщества. Международная интернет-аудитория представляет собой сегмент политически мотивированной мировой общественности, которая поддерживает, генерирует, распространяет политические идеи в сетевом пространстве, преимущественно в социальных сетях, преодолевая национальные, языковые и этнические границы. Данный контент представлен в официальном нарративе, медийном освещении, публичном дискурсе политических акторов и, таким образом, способен охватить даже массовую аудиторию. Последствия онлайн-деятельности проявляются как в сетевых формах политического участия (написание политического контента в соцсетях; оценивание, комментирование и / или распространение политических постов; подписание онлайн-петиций; онлайн-

* **Тормошева Вера Сергеевна**, соискатель кафедры международных отношений и политологии, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Нижегород, Россия), e-mail: tormosh@mail.ru

взаимодействие с политиками и / или медиа; сбор средств), так и в виде локальных и глобальных акций в физическом пространстве (пикетирование; участие в маршах протеста; членство в политических организациях; волонтерская деятельность; участие в «цветных» революциях). Наряду с сознательными попытками традиционных политических акторов конструировать идентичность международной аудитории для решения внешнеполитических проблем формируется самоидентичность граждан в глобальном сетевом пространстве. В совокупности с горизонтально интегрированной структурой интернет-аудитории и основанных на партнерстве и доверии связях оформляется как локальная, так и мультикультурная, международная, космополитичная или транснациональная идентичность граждан.

Ключевые слова: акторность; идентичность; международная аудитория; политическая коммуникация; постмодерн; социальные сети; сетевое политическое пространство.

Для цитирования: Тормошева В.С. Международная аудитория в сетевом политическом пространстве: онлайн-масса или глобальный политический актор? // Политическая наука. – 2021. – № 4. – С. 261–278. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.11>

Введение

Как известно, постмодернистский политический ландшафт, в отличие от предыдущих эпох, характеризуется многоакторностью [Пырма, 2019; Тормошева, 2014 а; Heiss, Schmuck, Matthes, 2019; Hwang, Colyvas, Drori, 2019; Kligler-Vilenchik et al., 2020]. В политическом пространстве постмодерна властные интересы одновременно отстаивают индивиды, общественные организации, политические партии и движения, политические институты и государственные структуры, социальные общности, политические элиты, государства, группы государств, а также такой политический актор, как международная общественность. Международная общественность, в свою очередь, охватывает целый ряд участников мирового политического процесса: *группы государств*, действующие через международные организации, *международные организации*, выступающие от лица международного сообщества, *отдельные группы общественности*, объединенные территориально, этнически или общими интересами, медийно выражающие свою позицию с целью охвата глобальных участников [Тормошева, 2014 б, с. 143]. В условиях стремительного развития и распространения информационно-коммуникационных технологий в це-

лом и социальных сетей в частности возрастает роль интернет-активности международной аудитории в противодействии глобальным вызовам.

Научные дебаты о международной интернет-аудитории

Вместе с тем научные дебаты об усилении политической роли международной аудитории в сетевом пространстве далеки от достижения консенсуса. Одна группа исследователей приравнивает интернет-аудиторию к массе, действующей онлайн. Отрицаются факторы акторности и идентичности международной аудитории. Проводится параллель с толпой, являющейся «незавершенной частью политики» и лишь приоткрывающей «окно возможностей» [Дин, 2017, с. 242]. Отвергается не только существование особой международной или транснациональной идентичности, но и сама возможность конструирования «утопического братства граждан глобального космополиса» [Кильдюшов, 2018, с. 102]. Другая группа исследователей, напротив, отмечает важную роль негосударственных акторов в формировании международной политики [Stengel, Baumann, 2017, p. 2–3] и называет международную аудиторию одним из глобальных политических акторов [Тормошева, 2014 b]. Кратко рассмотрим каждую из позиций.

Аудиторию интернет-пользователей критикуют за клиповость мышления, склонность к поверхностным суждениям, готовность следовать упрощенным поведенческим фреймам, доверчивость к фейковым публикациям и неустойчивость связей [Володенков, Артамонова, 2020, с. 190]. Ей вменяют постмодернистское равнодушие как реакцию homo psychologicus на избыток информации и быстроту ее получения, которая проявляется в апатии по отношению к политическим фигурам, программам и событиям [Липовецки, 2001, с. 65, 192–193]. Активность интернет-аудитории признается весьма ограниченной. Это проявляется в редуцированных ролевых наборах и ожиданиях, редуцированном реагировании на информацию с помощью лайков, эмодзи, иконок для эмоциональных реакций, выборе исключительно комфортных для себя форм самопрезентации [Кавеева, Сабурова, Эстрина, 2019, с. 56]. «Виртуальный потенциал» политического действия сетевых сообществ рассматривается в виде возможности даже не настоящего

времени, а весьма отдаленного будущего [Михайлёнок, Назаренко, 2020, с. 282]. Таким образом, интернет-аудитория выступает незрелым, аполитичным участником сетевого пространства с ограниченным инструментарием и неясными перспективами.

Труднодостижимость международной или транснациональности объясняется, в отличие от конструирования аудитории в национальных рамках, отсутствием эффективных и легкоприменимых методов и несформированностью понятийного аппарата. Достаточно сложно смоделировать единый образ международной аудитории, предъявляющей общие требования президентам, правительствам, наднациональным элитам [Соколов, Палагичева, 2020, с. 281]. Кроме того, неизвестно, применяет ли так или иначе сконструированная транснациональная аудитория некие «акты приемки» по отношению к политическим заявлениям, которые делаются от ее лица [Moffitt, 2017, p. 9]. Построение наднационального политического сообщества предполагает неограниченное расширение круга его участников, что противоречит тезису о зависимости социального взаимодействия от общей культурной традиции и положительного опыта доверия индивидов друг к другу [Кильдюшов, 2018, с. 101]. Ситуация также осложняется конкуренцией различных концепций прав и свобод, связанных с разными представлениями об идентичностях, а также размытостью выделяемых групп идентичностей [Алексеев, Фомин, 2020, с. 146, 153]. Отсюда следует, что широко используемое в политическом дискурсе понятие «транснациональная аудитория» – не более чем фигура речи.

Сторонники акторности интернет-аудитории оперируют ростом употребления термина *актор* в политологии и других общественных науках начиная с 1970-х годов по настоящее время, что вызвано смещением управленческого вектора с государства в сторону другой части политики, а именно гражданского общества и потребительского рынка [Hwang, Colyvas, Drori, 2019, p. 5–6]. Акторство предполагает развитие – от простейшего объединения, действующего в рамках существующего социального порядка, до институциональной структуры, меняющей общественно-политический ландшафт [Maier, Simsa, 2020, p. 16], что и наблюдается в случае интернет-аудитории. Основной политический актер – государство – вынужден считаться с интернет-аудиторией, о чем свидетельствует постоянное совершенствование правовых и техноло-

гических мер информационного контроля. В зависимости от политического режима сюда относится запрещение контента, блокировка доступа, отключение интернет-связи, упреждающая коммуникация по дискредитации и деморализации оппонентов вплоть до контроля за выражением инакомыслия и ограничения свободы выражения [Maréchal, 2017, p. 36]. В свою очередь, интернет-аудитория с помощью глобального английского и цифровых каналов и инструментов коммуникации объединяет национальные политические дискурсы, выносит локальную проблематику на уровень глобального обсуждения и политического участия [Тормошева, 2016, с. 172]. Своими действиями негосударственные акторы в целом и международная интернет-аудитория в частности могут заставить государства скорректировать проводимую ими политику в стране и за рубежом [Stengel, Baumann, 2017, p. 4].

Методология исследования

На наш взгляд, осмысление онлайн-аудитории в привязке к физическому пространству национального государства, отождествление интернет-пользователей с массовой аудиторией традиционных медиа, представление о непроницаемых границах как обязательном требовании к реальному и / или виртуальному политическому сообществу и другие подобные суждения о гомогенности политико-коммуникативных процессов восходят к классическим теориям эпохи модерна, не отвечающим реалиям информационного общества XXI в. Своеобразие постмодернистского периода, напротив, утверждает децентрализацию истины, право на отличие, верховенство многообразия над одинаковостью [Липовецки, 2001, с. 170–171], что диктует ученым необходимость использовать новые методологические подходы и их сочетание при изучении современных общественных явлений.

Исходя из этого, цель данной статьи – охарактеризовать феномен международной интернет-аудитории, попытавшись преодолеть утратившие актуальность традиции модерна и «размыв» дихотомическую рамку «онлайн масса – глобальный актор». Для достижения поставленной цели мы воспользуемся авторской интерпретацией акторно-сетевой теории Б. Латура, теории комму-

никативного действия Ю. Хабермаса, а также теории политического конструирования реальности Н.Г. Щербининой.

Акторно-сетевая теория (далее – АСТ) – это теория пространства или потоков, циркулирующих в ситуации немодерна [Латур, 2017 а, с. 211]. Согласно АСТ, следует отказаться от конвенциональных географических, технических, социальных оснований, усложняющих изучение общественных явлений (верх – низ, далеко – близко, локальное – глобальное, масштабный – незначительный, внутри – снаружи), в пользу ассоциаций и связей [Латур, 2017 б, с. 181]. По словам Латура, АСТ – не о *проложенных* сетях, а о деятельности по *прочерчиванию* сетей. Актор первичен по отношению к сети – именно его активность «отслеживает, очерчивает, изображает, описывает, предсказывает, вписывает, архивирует, выписывает или маркирует траекторию, называемую сетью» [там же, с. 192]. Примечательно, что Латур отмечал неиспользованность возможностей АСТ в политической науке. Однако исследовательская проблема виделась им достаточно узко, а именно «как удержать массы в узде, не позволяя им поддаться неуправляемым страстям и разрушить социальный порядок» [Латур, 2017 а, с. 210]. Не получил развития и тезис о «миростроительных» способностях актора и его «миростроительной» деятельности [там же, с. 207, 209].

Теория коммуникативного действия Хабермаса, в свою очередь, связывает понятие «сеть» с деятельностью разнообразных акторов по межконтинентальному распространению телекоммуникации, укреплению международного сотрудничества правительственных и / или неправительственных организаций, развитию массового туризма и массовой культуры, преодолению глобальных рисков техногенного, экологического, политического характера [Тормошева, 2014 а, с. 48]. Ведущими политическими акторами Хабермас видит не национальное государство, а средства массовой информации, интеллектуальные силы и международную общественность [там же, с. 46]. Мировое сообщество, по мнению Хабермаса, политически организовано, имеет стабильную инфраструктуру и высокий уровень сплоченности благодаря электронным средствам связи [там же, с. 49–50]. Полагаем, что данные положения требуют уточнения применительно к международной интернет-аудитории.

Теория политического конструирования реальности Н.Г. Щербининой представляет интерес, поскольку акцентирует внимание на коммуникативном аспекте сетевого пространства, а именно формировании медиареальности. Поскольку посредством политической коммуникации индивидуальный и коллективный интернет-пользователь получает «конкретный символический «материал» для конструирования интернализованного политического мира как значимой реальности» [Щербинина, 2019, с. 222], это влияет на его политические взгляды и политические действия. Впоследствии «актуально и злободневно представленный для восприятия и оценки» информационный контент [там же, с. 228] получает развитие в дискуссиях и комментариях интернет-пользователей.

Опора на положения вышеназванных теорий позволит нам решить ряд задач: (1) описать феномен политического в социальных сетях; (2) установить характер связей внутри международного интернет-сообщества; (3) определить идентичность интернет-аудитории; (4) обобщить глобальные эффекты онлайн-активности международной аудитории.

В работе мы опираемся на понятийный аппарат, включающий следующие термины: *актор, сеть, пространство, интернет-сообщество, глобальное*. Ниже представлены их дефиниции в формулировке Б. Латура:

- *актор* – тот, кто действует самостоятельно или чье действие обусловлено другими;
- *сеть* – работа, выполняемая актерами, т.е. действующими или претерпевающими действие сущностями;
- *пространство* – это связи, а не социальная или «реальная» (физическая) среда;
- *нововременные общества* (в нашем случае сообщества интернет-пользователей) – гетерогенные соединения, имеющие волокнистый, нитевидный, жилистый, тягучий, вязкий, капиллярный характер, который невозможно понять в терминах уровней, слоев, территорий, сфер, категорий, структур, систем;
- *глобальное* – в высшей степени связанное локальное [Латур, 2017 b, с. 173, 176, 178, 180, 182].

Обсуждение

Феномен политического в социальных сетях. В соцсетях не массовая аудитория, а особый сегмент вовлеченных в политику граждан обсуждает общественно-политические темы с помощью особых социотехнических механизмов передачи данных [Stier et al., 2018, p. 63]. Перемещение в медиатизированный мир политики происходит, когда индивид переключает свое внимание с повседневных реалий на политические проблемы. С помощью медиа приобретается политическая информация, знание о существовании политического, а также совместный с другими пользователями политический опыт [Щербина, 2019, с. 219]. Включаясь в онлайн-дискуссии о политике и международных отношениях, пользователь усваивает политический контент, воспроизводит политические ценности, утверждает собственную картину мира, отстаивает свою позицию в споре с оппонентами, примеряя на себя новые роли и участвуя в новых социальных практиках [Радина, 2018, с. 115]. Выявлен феномен *восходящей спирали активности*, которая базируется на сочетании идейной убежденности (приверженность политической идее или политику стимулирует большее участие), интереса (кто заинтересован в новостном комментировании, больше распространяет) и использования социальных медиа (активное использование социальных медиа в поисках общественно-политической информации ведет к активному участию). Цифровые медиа облегчают участие мотивированным пользователям [Kalogeropoulos et al., 2017, p. 9]. Именно активные пользователи формируют основу онлайн-сообществ, поддерживая устойчивое и регулярное информационно-коммуникационное взаимодействие друг с другом [Володенков, 2018, с. 11].

Характер связей интернет-сообщества. В отличие от иерархически детерминированной и вертикально ориентированной социальной структуры физического пространства, виртуальное пространство соцсетей основано на горизонтальной интеграции пользователей и выработке отличных от офлайна правил коммуникации [Кавеева, Сабурова, Эстрина, 2019, с. 47]. Примечательно, что интеграция интернет-пользователей характеризуется высокой склонностью к партнерству. Если объединения в физическом поле обычно не превышают шести человек, то виртуальные сообщества насчитывают до 15 и более участников, связанных неформальными

ми отношениями [Соколов, Палагичева, 2020, с. 279]. В основе онлайн-сообществ лежит фактор доверия. С одной стороны, растет институциональное доверие к информационным потокам, общественным движениям, Интернету как пространству общения. С другой стороны, доминирование в соцсетях связей «слабейшего» типа, подразумевающих отсутствие личного знакомства, предотвращает вторжение в онлайн-коммуникации «культуры недоверия», преобладающей в офлайновой социальной среде [Кавеева, Сабурова, Эстрина, 2019, с. 46]. При этом деятельность в партнерстве основана на сетевом организационном принципе: неформальные объединения действуют в направлении общей цели самостоятельно, инициативно, параллельно [Соколов, Палагичева, 2020, с. 279].

Отметим, что на политическое участие в онлайн и офлайн влияют социальные связи двух типов – сильные (основанные на дружбе и личном знакомстве), слабые (основанные на общности интересов при отсутствии личного знакомства), а также их сочетание [Kahne, Bowyer, 2018, p. 489]. Это происходит следующим образом. Активность, основанная на дружбе, способствует усилению деятельности в политическом онлайн-пространстве. Взаимодействие в соцсетях по интересам приводит к усилению политического офлайн-участия. Причем большое количество слабых связей обеспечивает сочетание обоих видов онлайн-активности. У пользователей, сочетающих дружеские и основанные на общих интересах онлайн-взаимодействия, также усиливается традиционная политическая активность.

Идентичность международной интернет-аудитории.

Как утверждается, минимальным условием конституирования и сохранения политического сообщества является гомогенность. Набор гомогенизирующих факторов может значительно отличаться в различные эпохи и в различных политических условиях [Кильдюшов, 2018, с. 99]. В современном мире соседствуют практики формирования международной идентичности, основанные на конструктивистской деятельности официальной власти [Щербинина, 2019, с. 220]. Среди основных практик назовем «манихейское» деление мира на *народ* и его врагов – *элит* и *чужаков* [Алексеев, Фомин, 2020, с. 145], символическую консолидацию граждан вокруг политической фигуры [Moffitt, 2017, p. 7], конструирование эмоционального внешнеполитического нарратива для канализации и усиления негативного отношения аудитории к Другому [Магун,

Микиртумов, Пархоменко, 2020, с. 70], использование мифогероической модели мирового лидерства [Щербинина, 2019, с. 224] и др.

Конструирование идентичности сегодня во многом полагается на характерные для модерна подходы, а именно допущение, что члены аудитории имеют общее прошлое: общий язык, веру, политическую историю, воспитание. При этом возникает необходимость провести границы между собой и чужими, с которыми нет связующего общего прошлого. Однако для эпохи постмодерна характерно формирование сообществ безотносительно общего прошлого – свободных сообществ нового типа [Гройс, 2012, с. 71]. Здесь на первый план выходит самоидентичность международной общественности [Тормошева, 2014 б, с. 138]. В данном контексте отдельного комментария заслуживает языковая специфика международно-политической коммуникации в сетевом пространстве, которая не ограничивается членами территориально очерченных специфических языковых сообществ.

Общеизвестно, что основной объем интернет-общения занимает глобальный английский язык, объединяющий национальные политические дискурсы [Тормошева, 2016, с. 172]. В англоязычное общение также привносятся элементы других языков и культур, что придает пользователю более высокий статус в мультикультурном сообществе. Кроме того, важное место в цифровой межкультурной коммуникации занимают транслингвальные и полилингвальные практики. Интересно, что пользователи, считающиеся монолингвами в офлайн-среде, регулярно включаются в цифровое мультилингвальное взаимодействие, причем выбор языка зависит не от лингвистических компетенций пользователя или его этнической принадлежности, а от контекста – глобального или локального [Lee, 2016, p. 125–128]. Мультилингвальные практики позволяют локальной проблематике выйти на уровень глобального обсуждения или собственно политической активности [Тормошева, 2016, с. 171]. Демонстрируя языковые навыки мультилингвального члена сообщества, пользователь одновременно подчеркивает свою локальную, международную, мультикультурную и космополитичную идентичность [Lee, 2016, p. 125, 127].

Международная аудитория артикулирует интересы за пределы национальных границ, участвуя в коммуникативных действиях (по Хабермасу) преимущественно на страницах соцсетей, которые являются проводниками политической информации и главной об-

щественной ареной для выражения политических идей, сбора средств и мобилизации граждан для голосования, протеста и волонтерской деятельности [Пырма, 2019, с. 66]. Международному сообществу предоставляется информация «с места событий», обнародуются данные о злоупотреблениях в различных точках земного шара, удовлетворяются информационные запросы гражданских активистов по всему миру, устанавливаются локальные и зарубежные контакты для получения доступа к информации, тем самым формируются мнение, ценности и политические убеждения международной аудитории [Тормошева, 2014 а, с. 49]. При этом интернет-пользователи своими посещениями, комментариями, лайками и репостами влияют на общественную значимость сетевого политического контента, что является уникальным для онлайн-пространства политических коммуникаций [Володенков, 2018, с. 14].

Глобальные эффекты онлайн-активности. В заключение следует затронуть мобилизационный эффект сетевого взаимодействия в глобальном масштабе. Мобилизовать интернет-пользователей на коллективные онлайн- и офлайн-действия позволяет значительный потенциал социальных сетей, основанный на общности интересов и добровольности участия [Соколов, Палагичева, 2020, с. 268]. Оперативность сетевых коммуникаций и их всеобъемлющий характер способствуют осуществлению информационно-коммуникационного взаимодействия в любое время и в любой точке [Володенков, 2018, с. 15]. Выяснилось, что сильный мобилизационный эффект дает обращение к социальной идентичности пользователей [Kligler-Vilenchik et al., 2020, p. 3]. При чтении, комментировании, оценивании и распространении сетевых политических публикаций происходит интеграция пользователей, сторонников и несогласных [Равочкин, 2020, с. 24]. Напомним, что, согласно Хабермасу, в достижении взаимопонимания как раз и заключается цель коммуникации, пусть даже в итоге констатируется несогласие [Тормошева, 2014 а, с. 46].

Среди последствий онлайн-деятельности назовем такие сетевые формы политического участия, как написание политического контента в соцсетях; оценивание, комментирование и / или распространение политических постов; подписание онлайн-петиций; онлайн-взаимодействие с политиками и / или медиа; сбор средств. В физическом пространстве наблюдается пикетирование, участие

в маршах протеста, членство в политических организациях, волонтерская деятельность локального характера. Сетевые технологии в совокупности со значимым для международной аудитории политическим контентом способны охватывать масштабное число пользователей и способны мобилизовать граждан для действий в офлайн-пространстве [Рябченко, Малышева, Гнедаш, 2019, с. 94]. Свидетельство этому – многочисленные акты сопротивления политическим режимам, так называемые «цветные» революции, которые происходят благодаря онлайн-дискуссиям, информированию и планированию политических действий с международной аудиторией в соцсетях [Rodineliussen, 2019, p. 246].

Ограничения

Наше исследование международной аудитории как политического сообщества, функционирующего за счет горизонтальной архитектуры сетей, имеет ряд ограничений. Так, некоторые ученые утверждают, что горизонтальная интеграция в чистом виде распространена не во всех сегментах Интернета и характерна не для всех типов онлайн-сообществ [Кавеева, Сабурова, Эстрина, 2019, с. 46]. В качестве примера приводятся сообщества, формирующиеся вокруг тех или иных политических сил, поскольку их целенаправленно создают заинтересованные субъекты для реализации своих властных интересов [там же, с. 53]. Изучение международной аудитории не только как самоорганизующегося сообщества, но и в контексте организационной деятельности отдельных политических сил могло бы стать целью новых работ о политике и международных отношениях.

Выводы

В результате проведенного исследования международной интернет-аудитории как политического актора можно сделать следующие выводы, касающиеся ее идентичности, структуры, специфики связей и характере онлайн-активности. *Во-первых*, международную аудиторию не следует ассоциировать с более широким понятием аудитории массовой. Международная интернет-

аудитория как политическое сообщество объединяет заинтересованных в политике граждан, которые выносят значимые для них общественно-политические темы на уровень глобального обсуждения в социальных сетях, что может приводить к серьезным политическим последствиям благодаря мобилизационному эффекту современных коммуникационных технологий. *Во-вторых*, понимание международной интернет-аудитории, действующей в глобальном политическом пространстве, как языкового сообщества граждан, объединенных этнически или территориально, сегодня неактуально. Для интернет-пользователей характерны не языковые компетенции в области нормативного английского языка (Standard English), а транслингвальные и мультилингвальные практики, которые являются, в том числе, частью глобального английского (World Englishes). В свою очередь, наряду с сознательными попытками конструирования международной аудитории для решения внешнеполитических проблем, важно отметить формирование самоидентичности граждан в глобальном сетевом пространстве. В совокупности с горизонтально интегрированной структурой интернет-аудитории и основанных на партнерстве и доверии связях формируется как локальная, так и мультикультурная, международная, космополитичная или транснациональная идентичность. Изучение этого специфического социально-политического феномена эпохи постмодерна – задача будущих исследований. *В-третьих*, последствия онлайн-деятельности носят глобальный характер и проявляются как в сетевых формах политического участия (написание политического контента в соцсетях; оценивание, комментирование и / или распространение политических постов; подписание онлайн-петиций; онлайн-взаимодействие с политиками и / или медиа; сбор средств), так и в виде локальных и глобальных акций в физическом пространстве (пикетирование; участие в маршах протеста; членство в политических организациях; волонтерская деятельность; участие в «цветных» революциях).

V.S. Tormosheva*
**International audience in the network political space:
an online mass or a global political actor?**

Abstract. The aim is to explore political actorness of international internet-audience, describing networks as a political phenomenon, assessing relations within the international internet-community, defining internet-audience identity, and compiling global effects of international audience's online activities. The research based on interpreting Latour's actor-network theory, the Habermas' theory of communicative action, and the theory of the political reality construction reveals that the international audience concept is simultaneously narrower than a mass audience and broader than a language community. Our findings indicate that the international internet-audience is a specific segment of politically engaged citizens supporting, generating, and disseminating political ideas in the network space, primarily in social networks, beyond national, linguistic, and ethnic borders. This content is represented in government officials' rhetoric, media coverage, public discourse of political actors and, thus, can reach a wider audience. Consequences of online activities can be found in both network forms of political participation (liking, sharing or commenting a political post; writing political content online; signing online petitions; contacting politicians and media online; donating), and in the local and global offline activities (picketing; participating in protest marches; membership in political organizations; volunteering; partaking in "colour-coded" revolutions). Parallel to conscious attempts of constructing international audience identity for solving foreign policy challenges citizens' self-identity is formed in the global political space. Together with horizontally integrated architecture of the internet-audience and relations based on partnership and trust between its members local, multicultural, international, cosmopolitan or transnational identity is developed.

Keywords: actorness; identity; international audience; political communication; postmodernity; social networks; network political space.

For citation: Tormosheva V.S. International audience in the network political space: an online mass or a global political actor? *Political science (RU)*. 2021, N 4, P. 261–278. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.11>

References

- Alekseev A.V., Fomin I.V. "We, the defenders of nations and liberties". How the EU populist radical right discursively constructs identities: the case of the Rassemblement National. *Political science (RU)*. 2020, N 4, P. 128–156. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.07> (In Russ.)
- Dean J. Crowds and publics. *Stasis*. 2017, Vol. 5, N 1, P. 220–246. (In Russ.)
- Groys B. *The politics of poetics*. Moscow : Ad Marginem press, 2012, 400 p. (In Russ.)

* **Tormosheva Vera**, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Nizhny Novgorod, Russia), e-mail: tormosh@mail.ru

- Heiss R., Schmuck D., Matthes J. What drives interaction in political actors' Facebook posts? Profile and content predictors of user engagement and political actors' reactions. *Information, communication & society*. 2019, Vol. 22, N 10, P. 1497–1513. DOI: <http://www.doi.org/10.1080/1369118X.2018.1445273>
- Hwang H., Colyvas J., Drori G. The proliferation and profusion of actors in institutional theory. In: Hwang H., Colyvas J., Drori G. (eds). *Agents, actors, actorhood: institutional perspectives on the nature of agency, action, and authority*. Emerald publishing: research in the sociology of organizations, 2019, Vol. 58, P. 3–20.
- Kahne J., Bowyer B. The political significance of social media activity and social networks. *Political communication*. 2018, Vol. 35, N 3, P. 470–493. DOI: <http://www.doi.org/10.1080/10584609.2018.1426662>
- Kalogeropoulos A., Negrodo S., Picone I., Nielsen R. Who shares and comments on news: a cross-national comparative analysis of online and social media participation. *Social media + Society*. 2017, Vol. 3, N 4, P. 1–12. DOI: <http://www.doi.org/10.1177/2056305117735754>
- Kaveeva A.D., Saburova L.A., Jestrina Ju.Ju. Elusive trust in digital communications: what connects users in online communities? *Antinomies*. 2019, Vol. 19, N 4, P. 45–65. DOI: <http://www.doi.org/10.24411/2686-7206-2019-00008> (In Russ.)
- Kil'djushov O.V. Not all will be saved: the boundaries of the political community as a socio-ontological premise. *Russian sociological review*. 2018, Vol. 17, N 3, P. 90–106. DOI: <http://www.doi.org/10.17323/1728-192X-2018-3-90-106> (In Russ.)
- Kligler-Vilenchik N., de Vries M., Maier D., Stoltenberg D. Mobilization vs. demobilization discourses on social media. *Political communication*. 2020, P. 1–20. DOI: <http://www.doi.org/10.1080/10584609.2020.1820648>
- Latour B. On actor-network theory. A few clarifications, plus more than a few complications. *Logos*. 2017 b, Vol. 27, N 1 (116), P. 173–200. DOI: <http://www.doi.org/10.22394/0869-5377-2017-1-173-197> (In Russ.)
- Latour B. On recalling ANT. *Logos*. 2017 a, Vol. 27, N 1 (116), P. 201–216. DOI: <http://www.doi.org/10.22394/0869-5377-2017-1-201-214> (In Russ.)
- Lee C. Multilingual resources and practices in digital communication. In: Georgakopoulou A., Spilioti T. (eds). *The Routledge handbook of language and digital communication*. London, New York : Routledge, 2016, P. 118–132.
- Lipovetsky G. *The era of emptiness. Essays on contemporary individualism*. Saint Petersburg : Vladimir Dal', 2001, 336 p. (In Russ.)
- Magun A.V., Mikirtumov I.B., Parhomenko A.A. Narrative and affect in the analysis of foreign policy rhetoric. *Tomsk State University journal of philosophy, sociology and political science*. 2020, N 57, P. 60–73. DOI: <http://www.doi.org/10.17223/1998863X/57/7> (In Russ.)
- Maier F., Simsa R. How actors move from primary agency to institutional agency: A conceptual framework and empirical application. *Organization*. 2020, N 00(0), P. 1–22. DOI: <http://www.doi.org/10.1177/1350508420910574>
- Maréchal N. Networked authoritarianism and the geopolitics of information: understanding Russian Internet policy. *Media and communication*. 2017, N 5(1), P. 29–41. DOI: <http://www.doi.org/10.17645/mac.v5i1.808>

- Mihajlenok O.M., Nazarenko A.V. Network communities: past and future. *Tomsk State University journal of philosophy, sociology and political science*. 2020, N 56, P. 274–284. DOI: <http://www.doi.org/10.17223/1998863X/56/24> (In Russ.)
- Moffitt B. Transnational populism? Representative claims, media and the difficulty of constructing a transnational “people”. *Javnost – The Public*. 2017, Vol. 24, N 3, P. 409–425. DOI: <http://www.doi.org/10.1080/13183222.2017.1330086>
- Pyrna R.V. The influence of digital communications on political participation. *Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019, Vol. 9, N 4(40), P. 63–69. DOI: <http://www.doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-63-69> (In Russ.)
- Radina N.K. Digital political mobilization of online commenters on publications about politics and international relations. *Polis. Political studies*. 2018, N 2, P. 115–129. DOI: <http://www.doi.org/10.17976/jpps/2018.02.09> (In Russ.)
- Ravochkin N.N. Political and legal ideas discourse in a network society: social-philosophical analysis (Part 2). *The Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2020, Vol. 30, N 1, P. 21–25. DOI: <http://www.doi.org/10.35634/2412-9550-2020-30-1-21-25> (In Russ.)
- Rjabchenko N.A., Malysheva O.P., Gnedash A.A. Presidential campaign in post-truth era: innovative digital technologies of political content management in social networks politics. *Polis. Political studies*. 2019, N 2, P. 92–106. DOI: <http://www.doi.org/10.17976/jpps/2019.02.07> (In Russ.)
- Rodineliussen R. Organising the Syrian revolution – student activism through Facebook. *Visual studies*. 2019, Vol. 34, N 3, P. 239–251. DOI: <http://www.doi.org/10.1080/1472586X.2019.1653790>
- Sherbinina N.G. The definition of media reality and communication in the context of the theory of the political construction of reality. *Tomsk State University journal of philosophy, sociology and political science*. 2019, N 50, P. 219–232. DOI: <http://www.doi.org/10.17223/1998863X/50/19> (In Russ.)
- Sokolov A.V., Palagicheva A.V. Mobilization and demobilization in a network political protest. *Political science (RU)*. 2020, N 3, P. 266–297. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.12> (In Russ.)
- Stengel F., Baumann R. Non-state actors and foreign policy. In: Thies C. (ed.). *Oxford research encyclopedia of foreign policy analysis*. Oxford : Oxford university press, 2017, P. 1–33. DOI: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.456>
- Stier S., Bleier A., Lietz H., Strohmaier M. Election campaigning on social media: politicians, audiences, and the mediation of political communication on Facebook and Twitter. *Political communication*. 2018, Vol. 35, N 1, P. 50–74. DOI: <http://www.doi.org/10.1080/10584609.2017.1334728>
- Tormosheva V.S. Contemporary approaches to political space interpretation. *The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. 2016, N 6 (57), P. 167–173. (In Russ.)
- Tormosheva V.S. International communication in the political discourse of Jürgen Habermas: pragmatic aspect. *Vlast'*. 2014 a, N 10, P. 46–51. (In Russ.)

- Tormosheva V.S. International community as an actor of political communication. *Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin*. 2014 b, N 27, P. 136–145. (In Russ.)
- Volodenkov S.V., Artamonova Ju.D. Information capsules as a structural component of contemporary political internet communication. *Tomsk State University journal of philosophy, sociology and political science*. 2020, N 53, P. 188–196. DOI: <http://www.doi.org/10.17223/1998863X/53/20> (In Russ.)
- Volodenkov S.V. Features of the internet as a contemporary space of political communication. *PolitBook*. 2018, N 3, P. 6–21. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Алексеев А.В., Фомин И.В.* «Мы, защитники наций и свобод». Как европейские правые популисты конструируют идентичности (случай «Национального объединения» // *Политическая наука*. – 2020. – № 4. – С. 128–156. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.07>
- Володенков С.В., Артамонова Ю.Д.* Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. – 2020. – № 53. – С. 188–196. – DOI: <http://www.doi.org/10.17223/1998863X/53/20>
- Володенков С.В.* Особенности Интернета как современного пространства политической коммуникации // *PolitBook*. – 2018. – № 3. – С. 6–21.
- Гройс Б.* Политика поэтики. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. – 400 с.
- Дин Д.* Толпа и публика // *Stasis*. – 2017. – Т. 5, № 1. – С. 220–246.
- Кавеева А.Д., Сабурова Л.А., Эстрина Ю.Ю.* Ускользающее доверие в цифровых коммуникациях: что связывает пользователей в виртуальных сообществах? // *Антиномии*. – 2019. – Т. 19, Вып. 4. – С. 45–65. – DOI: <http://www.doi.org/10.24411/2686-7206-2019-00008>
- Кильдюшов О.В.* Спасутся не все: границы политического сообщества как социально-онтологическая предпосылка // *Социологическое обозрение*. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 90–106. – DOI: <http://www.doi.org/10.17323/1728-192X-2018-3-90-106>
- Латур Б.* АСТ: вопрос об отзыве // *Логос*. – 2017 а. – Т. 27, № 1(116). – С. 201–216. – DOI: <http://www.doi.org/10.22394/0869-5377-2017-1-201-214>
- Латур Б.* Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими осложнениями // *Логос*. – 2017 б. – Т. 27, № 1(116). – С. 173–200. – DOI: <http://www.doi.org/10.22394/0869-5377-2017-1-173-197>
- Липовецки Ж.* Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / пер. с фр. – СПб. : Владимир Даль, 2001. – 336 с.
- Магун А.В., Микиртумов И.Б., Пархоменко А.А.* Нарратив и аффект в анализе внешнеполитической риторики // *Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология*. – 2020. – № 57. – С. 60–73. – DOI: <http://www.doi.org/10.17223/1998863X/57/7>

- Михайлёнок О.М., Назаренко А.В. Сетевые сообщества: прошлое и будущее // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 56. – С. 274–284. – DOI: <http://www.doi.org/10.17223/1998863X/56/24>
- Пырма Р.В. Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2019. – Т. 9, № 4(40). – С. 63–69. – DOI: <http://www.doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-63-69>
- Равочкин Н.Н. Дискурс политико-правовых идей в сетевом обществе: социально-философский анализ (Часть 2) // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2020. – Т. 30, вып. 1. – С. 21–25. – DOI: <http://www.doi.org/10.35634/2412-9550-2020-30-1-21-25>
- Радина Н.К. Цифровая политическая мобилизация онлайн-комментаторов материалов СМИ о политике и международных отношениях // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 2. – С. 115–129. – DOI: <http://www.doi.org/10.17976/jpps/2018.02.09>
- Рябченко Н.А., Малышева О.П., Гнедаш А.А. Управление политическим контентом в социальных сетях в период предвыборной кампании в эпоху постправды // Полис. Политические исследования. 2019. – № 2. – С. 92–106. – DOI: <http://www.doi.org/10.17976/jpps/2019.02.07>
- Соколов А.В., Палагичева А.В. Мобилизация и демобилизация в сетевом политическом протесте // Политическая наука. – 2020. – № 3. – С. 266–297. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.12>
- Тормошева В.С. Международная коммуникация в политическом дискурсе Ю. Хабермаса: прагматический аспект // Власть. – 2014 а. – № 10. – С. 46–51.
- Тормошева В.С. Международная общественность как актор политической коммуникации // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2014 б. – № 27. – С. 136–145.
- Тормошева В.С. Современные подходы к интерпретации политического пространства // Вестник Поволжского института управления. – 2016. – № 6(57). – С. 167–173.
- Щербинина Н.Г. Определение медиареальности и коммуникации в контексте теории политического конструирования реальности // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 50. – С. 219–232. – DOI: <http://www.doi.org/10.17223/1998863X/50/19>